

1

Взломав свой модуль контроля, я мог бы стать серийным убийцей, но потом сообразил, что получил доступ ко всем развлекательным каналам со спутников компании. Больше тридцати пяти тысяч часов фильмов, сериалов, книг и музыки — и я поглотил почти все, так и не совершив ни одного убийства. В качестве бездушной машины для убийств я оказался совершенно негодным.

* * *

Но я по-прежнему выполнял работу по новому контракту, надеясь, что доктор Волеску и доктор Бхарадвадж быстро завершат исследование, и мы вернемся в жилой модуль, где я наконец-то посмотрю триста девяносто седьмой эпизод сериала «Расцвет и гибель лунного заповедника».

Признаю, я отвлекся. До сих пор работа по контракту была скучноватой, и я уже подумывал понизить приоритет оповещений системы безопасности, чтобы система жилмодуля не отметила в логах попытку доступа к музыке и развлекательным программам. В полевых условиях это сложнее, чем в жилмодуле.

Зона для испытаний представляла собой пустынную полосу острого побережья с низкими плоскими холмами, покрытыми густой темно-зеленой травой, которая доходила мне до лодыжек. Флора и фауна не особо богатая, не считая стайки существ, похожих на птиц, и пузатых водоплавающих — насколько известно, безобидных. Берег усеивали большие оголенные кратеры; в одном из них Бхарадвадж и Волеску как раз и брали образцы. Планету окружало кольцо, и сейчас оно висело над горизонтом со стороны моря. Я таращился на небо, мысленно взламывая систему, и вдруг подножие кратера взорвалось.

Я даже не трудился посылать звуковой сигнал тревоги, лишь отправил доктору Мензах изображение со своей камеры и прыгнул в кратер. Скользя вниз по песчаному склону, я тут же услышал, как

доктор Мензах орет по каналу тревоги, отдавая указания поднять в воздух вертушку. Они работали в другой части острова, километрах в десяти, так что все равно не добрались бы вовремя.

Мой канал заполнился противоречивыми командами, но я не обращал на них внимания. Даже если бы я не хакнул свой модуль контроля, сигналы тревоги были в приоритете, и в них царила полная сумятица — система жилмодуля требовала информацию и пыталась послать мне данные, в которых я не нуждался, а Мензах отправляла мне телеметрию с вертушки. Это мне тоже было без надобности, но все-таки ее проще игнорировать, чем постоянно требующую ответов систему.

И в разгар этой неразберихи я очутился на дне кратера. В обеих руках у меня встроены небольшие излучатели, но я потянулся к большой реактивной установке на спине. У враждебного существа, вырвавшегося из-под земли, была огромная пасть — и мне требовалось большое оружие.

Я выдернул из этой пасти доктора Бхарадвадж и сунулся туда сам, разрядив оружие прямо в глотку и чуть выше — туда, где, как я рассчитывал, находится мозг. Не уверен, что все случилось именно в таком порядке (нужно просмотреть записи с моей камеры), но Бхарадвадж была у меня, а не у этого существа, и оно скрылось в туннеле.

Она была без сознания, скафандр промок и весь пропитался ее кровью от ран на правой ноге и боку. Я прицепил оружие обратно и поднял ее обеими руками. Сам я потерял броню на левой руке и довольно много живой ткани под броней, но неорганические части по-прежнему работали. Из модуля контроля последовал новый залп приказов, и я отмел их, не потрудившись даже декодировать. У Бхарадвадж нет неорганических частей, и починить ее не так просто, как меня, а потому она сейчас — приоритетная задача, и меня больше интересовали сообщения медсистемы по аварийному каналу. Но первым делом следует вынести ее из кратера.

Все это время Волеску сидел на развороченных камнях, съежившись и обделавшись от страха. Не могу сказать, что я ему не сочувствовал. Я был в куда лучшем положении, но все равно получал мало удовольствия.

— Доктор Волеску, — сказал я, — следуйте за мной.

Он не ответил. Медсистема порекомендовала сделать ему укол транков и все такое, но одной рукой я прижимал скафандр доктора Бхарадвадж, чтобы предотвратить кровотечение, а другой поддерживал ее голову (а у меня почему-то всего две руки). Я велел шлему убрать заслонку, чтобы Волеску увидел человеческое лицо. Я совершал большую ошибку в случае, если тварь вдруг вернется и снова меня укусит, потому что не смог бы обойтись без органических частей головы. Я придавал голосу уверенности и теплоты и сказал:

— Доктор Волеску, все будет хорошо. Но вы должны встать и помочь мне вынести ее отсюда.

Это подействовало. Он кое-как поднялся на ноги и заковылял ко мне, не переставая дрожать. Я повернулся к нему неповрежденной стороной.

— Хватайтесь за мою руку, — сказал я. — Держитесь.

Он сумел-таки обхватить изгиб моего локтя, и я потащил его наверх, придерживая Бхарадвадж у груди. Ее дыхание было резким и отчаянным, а скафандр не выдавал никаких данных вообще. Мой был разорван на груди, так что я поднял температуру тела в надежде, что это поможет. Теперь каналы связи притихли — воспользовавшись полномочиями руководителя, Мензах приглушила все, кроме каналов медсистемы и вертушки, а с вертушки я слышал, как остальные яростно шикают, пытаясь заткнуть друг другу рты.

Сохранять равновесие на кромке кратера было трудно из-за мягкого песка и галечной осыпи, но мои ноги не получили повреждений, и я встал там вместе с двумя по-прежнему живыми людьми. Волеску чуть не рухнул, и я оттянул его на несколько метров от края, просто на всякий случай — а вдруг это нечто внизу сумеет дотянуться и сюда.

Мне не хотелось отпускать Бхарадвадж: я не был уверен, что сумею снова ее подхватить, потому как в брюшной полости у меня явно имелись серьезные повреждения. Я немного отмотал запись своей камеры назад и увидел, как в меня впился зуб, а может и жгутик. «Жгутик»? Или это называется по-другому? Киллерботов не снабжают приличными образовательными модулями: нас готовят только убивать, да и то собирают из дешевого хлама. Я как раз пытался навести справки в языковом центре жилмодуля, как неподалеку приземлилась вертушка. Когда она села на траву, я снова закрыл щиток шлема, сделав его непрозрачным.

У нас две стандартных вертушки: большая — для эвакуации и малая — чтобы добираться до зон испытаний. В них по три отсека: большой посередине — для людей, два поменьше по бокам — для груза, припасов и меня. За панелью управления сидела Мензах. Я пошел к ним медленнее обычного, потому что не хотел потерять Волеску. Опустился трап, тут же выпрыгнули Пин-Ли и Арада, и я включил голосовую связь.

— Доктор Мензах, я не могу отпустить ее скафандр.

Она не сразу поняла, о чем я. А потом поспешно ответила:

— Ладно, поднимай ее в кабину экипажа.

Киллерботу не позволяется летать вместе с людьми, мне нужно было получить вербальное разрешение войти. Взломанный модуль контроля все равно меня не остановил бы, но не стоит никому показывать, что я свободен, в особенности людям, с которыми у меня контракт. А то еще, чего доброго, уничтожат мои органические компоненты, а остальное разберут на запчасти.

Я внес Бхарадвадж по трапу в кабину, где возились Оверс и Ратти, отстегивая сиденья, чтобы освободить место. Они сняли шлемы

и откинули капюшоны, и потому я увидел, с каким ужасом они уставились на то, что осталось от моего корпуса, виднеющегося из-под разодранного скафандра. Хорошо, что я закрыл шлем.

Вот почему и я предпочитаю летать в грузовом отсеке. Люди и дополненные люди рядом с киллерботами смотрятся такими неуклюжими. По крайней мере, на взгляд киллербота. С Бхарадвадж на коленях я сел на пол, а Пин-Ли и Арада втащили Волеску.

Мы бросили внизу два ящика с полевым оборудованием и пару инструментов; они валялись на траве — в том месте, где работали Бхарадвадж и Волеску, прежде чем спустились в кратер за образцами. Я помог бы их забрать, но медсистема, мониторящая состояние Бхарадвадж через остатки ее скафандра, ясно сообщила, что отпускать доктора не стоит. Правда, никто об этом оборудовании и не упомянул. Наверное, вполне очевидное решение — в случае аварийной эвакуации оставить оборудование, которое легко заменить, — но у меня бывали и такие контракты, где говорилось, что нужно бросить раненого человека и спасать оборудование.

Однако сейчас вскочил доктор Ратти и выкрикнул:

— Я заберу ящики!

— Нет! — завопил я, хотя и не стоило: предполагается, что я должен обращаться к клиентам почтительно, даже если они вот-вот убьются по собственной неосторожности. Сеть могла бы наказать меня через модуль контроля. Если бы я его не взломал.

К счастью, все остальные люди тоже завопили «Нет!», а Пин-Ли добавила:

— Твою ж мать, Ратти!

— Ой, времени же нет, простите! — отозвался он и шлепнул по кодовому замку на люке.

Так что мы не потеряли трап, когда прямо из-под земли вырвалось враждебное существо с полной пастью зубов, или жгутиков, или чем оно там жует. На камерах вертушки появилось огромное изображение, и сеть тут же направила его на персональные каналы. Люди закричали.

Мензах подняла вертушку в воздух так быстро и резко, что я чуть не навернулся; все, кто не был на полу, тут же там оказались.

В последовавшей тишине все с облегчением выдохнули, а потом Пин-Ли сказала:

— Ратти, если бы тебя прикончили...

— Ты страшно бы на меня разозлилась, я знаю.

Ратти сполз по стене и вяло махнул рукой.

— Это приказ, Ратти, не дай себя прикончить, — отозвалась Мензах с кресла пилота. Ее голос звучал спокойно, но медсистема показывала, как бешено колотится ее сердце.

Арада приволокла аптечку, чтобы остановить кровотечение у Бхарадвадж. Я изо всех сил старался быть полезным — зажимал

раны, когда мне велели, согревал ее своим остывающим телом и не поднимал головы, чтобы не видеть, как они на меня таращатся.

* * *

Надежность системы — 60% и снижается.

Наш жилмодуль — стандартная модель. Семь соединенных между собой куполов, установленных на плоской равнине над узкой речной долиной; по бокам — генератор и система рециркуляции. У нас есть система жизнеобеспечения, но нет шлюзов, потому что атмосфера планеты пригодна для дыхания (хотя и не подходит для длительного пребывания людей вне системы). Не знаю почему, но по контракту я не обязан об этом беспокоиться.

Мы выбрали это место, потому что оно прямо в центре исследуемой зоны, и хотя на равнине есть деревья высотой метров пятнадцать, они очень тонкие и с жидкой кроной, так что никто не приблизится к нам, используя их как прикрытие. Конечно, мы не принимали во внимание, что кто-нибудь может появиться из-под земли.

Двери в жилмодуле были укрепленными, но как только вертушка села, система сообщила, что главная дверь уже открыта. Доктор Гура-тин вывез каталку с подъемником. Оверс и Араде удалось стабилизировать состояние Бхарадвадж, я положил ее на каталку и последовал за остальными в жилмодуль.

Люди направились в медотсек, а я остановился и отдал команду вертушке закрыться, а потом запер и внешнюю дверь жилмодуля. По каналу безопасности я отдал приказ дронам расширить периметр, чтобы раньше получить предупреждение, если появится что-то крупное. А еще я установил несколько сейсмических сенсоров, чтобы посылали сообщения об аномалиях, если вдруг это нечто решит прорыть туннель.

Позабывшись о безопасности жилмодуля, я вернулся в так называемую дежурку, где хранились оружие, боеприпасы, датчики охраны периметра, дроны и все прочее, необходимое для обороны, включая меня. Я снял остатки брони и по совету медсистемы побрызгал поврежденный бок заживляющим герметиком. У меня не было кровотечения, потому что мои артерии и вены автоматически запечатываются, но зрелище все равно не из приятных. Да и больно, хотя заживляющий герметик немного притупил это ощущение. Я установил в сети жилмодуля восьмичасовой запрет на выход наружу без моего сопровождения, а потом переключился в режим ожидания. Проверил сеть и не увидел там возражений.

Я замерзал, потому что система контроля температуры сдохла где-то по пути сюда, а защитная оболочка под броней разорвалась в клочья. У меня была запасная, но натягивать ее прямо сейчас будет

непрактично, да и непросто. Была еще неношенная форма, но и ее мне надевать не хотелось. Форму я не носил, поскольку не патрулировал жилмодуль внутри, а меня об этом не просили, потому что клиентов всего восемь и все друзья, а значит, это была бы пустая трата ресурсов, то есть меня. Я покопался одной рукой в ящике и нашел запасную аптечку для человека, которой мне дозволялось воспользоваться в случае необходимости, открыл ее, достал термоодеяло, закутался и влез на пластиковую койку в своем боксе. Моргнул белый свет, и дверь заблокировалась.

Здесь было не намного теплее, но хотя бы уютнее. Я подсоединился к ремонтным и зарядным кабелям, прислонился к стене и поежился. Медсистема любезно сообщила, ничуть меня не удивив, что надежность моей системы уже 58% и снижается. За восемь часов я наверняка восстановлюсь и, скорее всего, наращу основную часть поврежденных органических компонентов, но на пятидесяти восьми процентах я вряд ли сумею в это же время заниматься анализом. Потому я велел сети разбудить меня, если какая-нибудь тварь попытается сожрать жилмодуль, и начал перебирать загруженные из развлекательного канала файлы. Из-за боли я вряд ли мог уделить внимание сюжету, но приятные звуки скрасят одиночество.

И тут кто-то постучался в дверь бокса.

Я уставился на нее и тут же перепутал тщательно отсортированные загрузки.

— Войдите, — отозвался я как дурак.

Доктор Мензах открыла дверь и уставилась на меня. Мне плохо удается угадывать возраст людей, даже после стольких просмотренных фильмов. Люди на экране обычно мало похожи на людей в реальной жизни, по крайней мере в хороших сериалах. У нее была темно-коричневая кожа, а волосы — чуть светлее, очень короткие, и думаю, она не очень молода, иначе не стала бы руководителем.

— Все хорошо? — спросила она. — Я видела сообщение о твоём состоянии.

— Да. — Тут я понял, что мне вообще не следовало отвечать: надо было притвориться, будто я в режиме сна. Я подтянул одеяло к груди в надежде, что она не заметит отсутствующие части. Без брони, которая стягивала все вместе, тело выглядело гораздо хуже. — Все отлично.

Да, с настоящими людьми мне сложно. Дело не только в паранойе из-за взломанного модуля контроля и даже не в людях. Я ведь внушающий ужас киллербот, и они это знают. Их это нервирует, а меня выбивает из колеи еще сильнее. К тому же я не в броне, потому что ранен, и какая-нибудь из моих органических частей может в любую минуту вывалиться и шлепнуться на пол, а на такое никто смотреть не захочет.

— Отлично? — нахмурилась она. — Судя по отчету, ты потерял двадцать процентов массы тела.

— Отрастет, — сказал я.

Знаю, для человека я похож на умирающего. Для человека мои ранения равносильны потере конечности, а то и двух и вдобавок почти всей крови.

— Я знаю, и тем не менее.

Она довольно долго меня рассматривала, так что я переключил канал на столовую, где вокруг стола сидели здоровые члены группы и разговаривали. Они обсуждали вероятность существования другой подземной фауны и сетовали на то, что не запаслись транквилизаторами. Все вроде в порядке вещей.

— Ты хорошо справился с доктором Волеску, — продолжила она. — Вряд ли остальные поняли... Но это произвело на них впечатление.

— Такова процедура оказания первой медпомощи — нужно успокоить жертву.

Я плотнее запахнул одеяло, чтобы она не увидела ничего кошмарного. Похоже, что-то внутри подтекает.

— Да, но медсистема отдала приоритет Бхарадвадж и не проверила жизненные показатели Волеску. Сеть не приняла во внимание его шок и посчитала, что он выберется самостоятельно.

Судя по изображению, остальные в это время просматривали записи с камеры Волеску. Они говорили что-то вроде: «Кто бы мог подумать, что у этой штуковины есть лицо». С самого прибытия я был в броне и не открывал шлем в их присутствии. Особых причин к тому не было. Они увидели бы только мою голову, а она ничем не отличается от человеческой. Но я не хотел, чтобы они со мной говорили, и уж точно не хотел говорить с ними — на задании это бы отвлекло меня, а во время отдыха... Я просто не хотел с ними разговаривать. Мензах видела меня, подписывая арендный контракт, но почти не смотрела в мою сторону, а я не смотрел на нее все по той же причине: киллербот + человек = неловкость. Постоянное ношение брони избавит от ненужного взаимодействия.

— В мою задачу входит не обращать внимания на системные сообщения, когда они... ошибочны, — сказал я.

Потому вы и используете конструкторов, автостражей с органическими компонентами. Но вы и так это знаете. Прежде чем одобрить мою доставку, она раз десять пыталась возразить, никак не хотела меня принимать. Я не держу на нее зла. Я и сам бы себя не захотел.

Серьезно, даже не знаю, почему я не сказал: «Пожалуйста, покиньте бокс», — чтобы я мог спокойно протекать тут в одиночестве.

— Ладно, — сказала она, а потом смотрела на меня 2,4 секунды (объективно), хотя по субъективным ощущениям это длилось двадцать мучительных минут. — Увидимся через восемь часов. Если до этого тебе что-нибудь понадобится, пришли мне оповещение.

Она вышла, и дверь за ней закрылась.

Мне стало интересно, что именно их так поразило, и потому я вызвал запись инцидента. Ну и ну! Я не переставал говорить с Волеску все время, пока мы поднимались по склону кратера. Меня самого больше волновали траектория вертушки и кровотоечение Бхарадвадж, а еще тварь, которая могла вылезти из кратера и предпринять вторую попытку, и я не особо прислушивался к собственным словам. Я спросил, есть ли у него дети. Поразительно. Похоже, я смотрю слишком много сериалов. Дети у него были. Полигамная семья из четырех взрослых и семерых детей, все дети остались дома.

Я был слишком возбужден для отдыха и решил извлечь из этого хоть какую-то пользу, просмотрев другие записи. И обнаружил нечто странное. Жилмодуль послал команду «отмена» по каналу моего модуля контроля, который уже меня не контролировал. Наверное, какой-то сбой. Но это все равно ничего не значит, потому что, когда приоритет у медсистемы...

Надежность системы — 39%. Запускаю режим сна для срочного ремонта.

Я был почти как огурчик, когда проснулся: надежность — 80% и повышалась. Я тут же проверил все каналы — на случай, если люди хотят выйти наружу, но Мензах продлила запрет на выход из жилмодуля еще на четыре часа. Замечательно, потому что это дало мне время довести надежность до 98%. Но меня ждало также сообщение, что я должен явиться к ней с отчетом. Такого раньше не случалось. Может, она хотела пройтись по информации о рисках и понять, почему их не предупредили о враждебном существе под землей. Я и сам об этом размышлял.

Их группа называлась «Сохранение»; она купила опцион на добычу полезных ископаемых этой планеты, и по результатам исследований предстояло решить, стоит ли платить за полную долю. Знать о том, что нечто на планете может их сожрать, довольно-таки важно.

Мне не особо интересно, кто мои клиенты и чем занимаются. Я знаю, что эта группа — с планеты фригольдеров, но в детали не вдавался. Планета фригольдеров — это результат терраформирования и колонизации, но такая планета не связана ни с какой корпоративной конфедерацией. Обычно у фригольдеров бывает полный бардак, так что многого я от них не ждал. Но с ними оказалось на удивление легко работать.

Я почистил новую оболочку от посторонних жидкостей и выбрался из бокса. И тут понял, что не собрал куски брони с пола, она так и валяется там, залитая моими жидкостями и кровью Бхарадвадж. Неудивительно, что Мензах заглянула в бокс: вероятно, решила, что я дал дуба. Я сложил броню в модуль восстановления.

У меня есть запасная броня, но она лежит на складе, потребуется время, чтобы надеть ее и провести диагностику и отладку. Я задумался, стоит ли облачаться в форму, но сеть оповестила Мензах, что я проснулся, а значит, нужно идти.

Форма была похожа на стандартную для исследовательской группы и предназначалась для жилмодуля: серые трикотажные